

ТИБЕТ

СИЯНИЕ ПУСТОТЫ

Е.Н. Молодцова



Сокровенная история цивилизаций

Елена Молодцова

Тибет: сияние пустоты

«ИП Карелин»

2013

Молодцова Е. Н.

Тибет: сияние пустоты / Е. Н. Молодцова — «ИП Карелин»,
2013 — (Сокровенная история цивилизаций)

Тибет – это иной мир, полный жестокой мудрости и подлинной поэзии. Здесь пространство и время теряют свое значение, а реальное и воображаемое неразличимы, как часто неразличимы сон и явь. Это культура, о которой ее легенды могут поведать подчас больше, чем исторически достоверные факты. Эта книга является попыткой рассказать о духовной культуре Тибета, а также о жизни этой культуры за пределами Тибета. 2-е издание.

© Молодцова Е. Н., 2013

© ИП Карелин, 2013

Содержание

Вступительное слово	7
Глава первая,	9
Трое Великих	10
Прародители тибетцев	13
Первый правитель Тибета Ньятри Цэнпо	15
Падение небесных книг	18
Великий Сронцэнгампо	19
Богиня Тара	24
Что такое танка	29
Гений Дзанабалзар	31
Личное знакомство с Ваджрасаттвой	36
Цэнпо Трисонг Дэвцэн	38
Глава вторая,	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

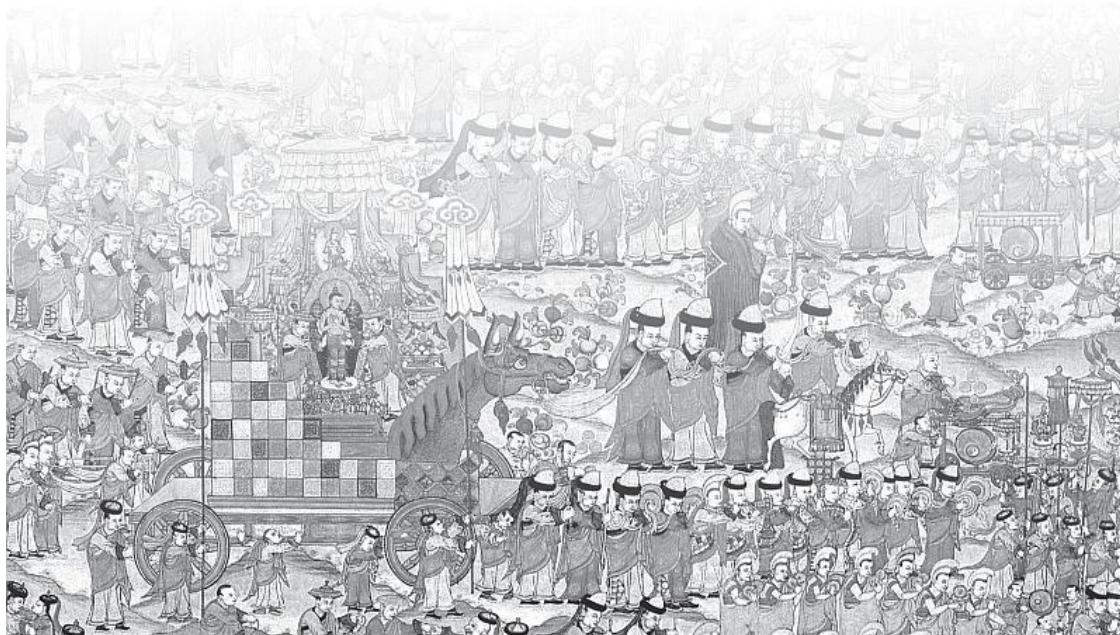
Е.Н. Молодцова

Тибет: сияние пустоты

*Неспособность есть не добродетель, а бессилие.
Тибетская мудрость*



Елена Николаевна Молодцова – кандидат философских наук, специалист в области истории духовной культуры Индии и Тибета, автор многочисленных публикаций по этому вопросу, а также книги «Традиционные знания и современная наука о человеке». В настоящее время Е.Н. Молодцова возглавляет Проблемную группу философско-психологического анализа оснований научного знания Института истории естествознания и техники РАН.



Посвящается тем, кто учил меня мужеству и мудрости жить.

Вступительное слово

Уважаемый читатель! В этой книге я попытаюсь рассказать Вам о духовной культуре Тибета, о великой и странной Стране Снегов. В моем рассказе легенды будут переплетаться с реальной историей, ибо так это и происходит в любой традиционной культуре, особенно же в культуре загадочного для нас Востока.

Это сегодня, на Западе, мы ищем чистые, исторически достоверные факты, искусственно вычленив их из сплетения нитей чудесного ковра преданий. Но при этом мы неизменно теряем живой узор, предназначенный для медитаций и полетов воображения, уносящих к иным мирам.

На Востоке все иначе. Деньги и время, которые на Западе являются мерилом всех ценностей, на Востоке мало что значат. Об этом я расскажу Вам несколько историй, типичных для менталитета восточного человека и странных для менталитета человека западного.

Вначале о деньгах. Однажды на дамасском базаре я купила сердоликовое кольцо и только потом заметила среди вещей торговца прелестную сердоликовую пластину с арабской вязью. На два предмета у меня не было денег, и я хотела вернуть кольцо, чтобы купить пластину. Хозяин категорически отказался взять кольцо и продал приглянувшуюся мне безделушку за те малые деньги, которые нашлись в моем кошельке. Более того, он оставил мне несколько монет, так как пустой кошелек – дурная примета. А когда перед отъездом денег у меня вообще не было и я просто бродила по базару, совершенно незаинтересованно любуясь его богатствами, за мной бежал мальчик-посыльный, чтобы вручить колечко – подарок его хозяина, для которого мой отказ означал бы смертельную обиду. Можете ли Вы представить такую ситуацию на европейском рынке?

А «гражданин мира» венгр Имре Грюк как-то признался мне, что когда-нибудь непременно окончательно оседет именно на Востоке, и вот почему. Однажды Имре с семьей приехал в сирийский город Алеппо. В дороге у него заболела дочь. Дело было к вечеру, Имре спешно пошел в банк менять деньги, но хозяин уже закрывал дверь. Имре очень просил его открыть, объясняя, что срочно нужны лекарства. Но возвращаться в свой банк хозяин категорически отказался, это был для него совершенно непосильный подвиг. Он просто дал Имре, которого видел первый раз в жизни, нужную сумму денег и попросил занести ему их завтра. Можете Вы представить себе такое поведение нашего банкира? Вот и Имре был приятно удивлен. А сирийский хозяин банка, напротив, долго удивлялся, зачем нужно вновь открывать дверь, если можно просто дать деньги.

Время, как и деньги, на Востоке мало что значит. В моей памяти прочно отпечатались история, приключившаяся в той же прекрасной и яркой Сирии. Наша научная делегация в полном составе молча сидела в прохладном холле дамасского отеля и мрачно ждала автобуса, который должен был повезти нас на экскурсию по пыльному раскаленному городу. «Когда же, наконец, будет автобус?» – спросили мы нашего сопровождающего Джамала. «Через 15 минут», – не задумываясь ответил он. Через полчаса мы вновь задали ему тот же вопрос и получили точно такой же ответ. Время уходило от нас, мы нервно смотрели на часы... Наконец Джамаль пошел куда-то звонить. Вернулся он со стандартным ответом: «Через 15 минут», – но на сей раз, лукаво улыбаясь, добавил: «Иншалла», то есть «Если то будет угодно Аллаху». К тому моменту, когда автобус совершенно неожиданно приехал, мы сумели, наконец, перезнакомиться. В холодке, в мягких удобных креслах неспешно текла наша очень интересная беседа (люди собрались неординарные), нам уже было жаль тратить время на банальную экскурсию. Мы поняли, что время никуда не ушло, оно просто иначе наполнилось и потеряло свое главное значение. А слово «Иншалла» с тех пор стало нашим девизом и очень помогло во время пре-

бывания в удивительной стране Сирии. Мне же оно и потом часто помогало в моих восточных странствиях.

А в некогда нашей Средней Азии я была глубоко поражена, когда однажды должна была вылететь из Ташкента в Андижан в 8 часов утра, местным рейсом, но в час дня никто в аэропорту не знал, то ли мой самолет уже улетел, то ли еще не прилетел. Можете ли Вы представить себе такую ситуацию в европейском аэропорту? В два часа дня вылет каким-то чудом все-таки состоялся, но наша «стрекоза» сразу же попала в шторм, ее посадку нигде не принимали, и мы летали по всему Узбекистану до 8 часов вечера. Зато в этом рейсе мне встретились удивительные собеседники, так что было даже немножко грустно, когда мы наконец приземлились (причем, к нашему удивлению, именно в Андижане). Так что важно не то, сколько прошло времени, а то, чем оно было наполнено.

На Востоке любая случайность может изменить твой путь. Идешь куда-то по сказочной Бухаре, где свет играет с тенью, и вдруг оказываешься в чайхане, являющейся продолжением дороги. Величавый седобородый старец приглашает тебя за свой столик, ты неспешно пьешь с ним вкусный зеленый чай, старец говорит с тобой, и ты вдруг понимаешь, что шла совсем не туда, куда тебе надо. И вдруг встаешь и уезжаешь в чуждые горы Арсланбоба, где живут мудрецы и низвергаются с круч серебристые водопады. Можете ли Вы вообразить себе такой поворот здесь, у нас? На Востоке же, если не смотреть на часы и не зависеть рабски от цели, можно круто изменить свою жизнь.

Есть прекрасная арабская притча о человеке, гонимом злыми ветрами судьбы. Ветры судьбы влекли измученного человека по оврагам и буеракам, бешеные псы судьбы гнались за ним по пятам, и в конце концов он был вплотную прижат к высокой стене. Отчаяние удесятеряет силы, и человек перепрыгнул через стену. За ней открылся чудный сад, в саду стоял прекрасный дворец, а из дворца вышла невероятной красоты девушка – оказалось, что она всю жизнь ждала именно этого человека, чтобы стать его женой и преподнести ему в дар все мыслимые и немыслимые сокровища. Ведь мы никогда не знаем, к какой цели ведет или гонит нас судьба, которой мы так яростно сопротивляемся.

Вы видите, уважаемый читатель, что это не наш, это иной мир. Путешествуя по нему, следует набраться терпения и доброжелательности и очень внимательно смотреть вокруг, не забывая улыбаться встречным.

Вот я и хочу показать Вам Тибет во всей его инаковости, где сказка неразрывна с действительностью. Кажется, что именно Тибет имел в виду истинный гений Велимир Хлебников, говоря о месте, «где быть – лишь разумная боль о славе, о Боге, о беге по верам, и где на олене король для крали цветы собирал старовером»...

Итак, в путь, уважаемый читатель! Только не надо никуда спешить, и может быть, Иншалла, нам и приоткроется малая толика жестокой мудрости и истинной поэзии Востока.

Е.Н. Молодцова

Москва, февраль 2001 г.

Автор выражает глубокую признательность:

коллективу издательства «Алетейя» – за высокий профессионализм в работе и безграничное терпение;

А.А. Маслову – за любезно предоставленные для фотосъемки предметы из личной коллекции;

В.В. Солкину – за дружеское участие в подготовке книги.

Глава первая, повествующая о приходе буддизма в тибет

Было время, когда на свете еще не было тибетцев, но Тибет уже был, и населяли его одни лишь злобные демоны. И тогда сошлись и держали совет трое самых главных из бесчисленного множества бодхисаттв – великих существ, которые достигли полной готовности обрести покой прекрасной нирваны, однако остановились на самом пороге великого блаженства, чтобы помочь всем живым существам переправиться через вечно волнующийся океан страданий мирского существования, через бурлящий поток сансары, и достичь мирного берега нирваны. Это были три наиболее почитаемых буддистских божества, с древности и до сего дня преданно любимые в Тибете, в Монголии и в Бурятии.

Трое Великих

Первый из них – бодхисаттва мудрости Манджушри, к которому принято обращаться с просьбой о даровании молящему истинного знания. Манджушри – владыка речи, он царь среди беседующих, господин священных заклинаний. Точное представление о его облике дают буддистские скульптуры и танки (буддистские иконы). Манджушри запечатлен на них сидящим на лotosовом троне, что говорит о божественном происхождении бодхисаттвы. Правой рукой он высоко поднимает пылающий меч, отсекающий корни невежества, а в левой держит голубой лотос, символ духовной чистоты, и *Праджняпарамитасутру* – сутру высшей мудрости, один из основных священных текстов буддизма, что говорит о беспредельной глубине познаний и запредельной мудрости этого божества.

Вторым членом этого священного совета был бодхисаттва Ваджрапани, гневное божество синего цвета. Взметнув вверх правую руку, бог грозно сжимает *ваджру*, состоящую из собранных в пучок скрещенных молний. Ваджра – главное оружие богов и основной символ буддизма, указывающий на алмазную твердость и нерушимость Учения. Подставкой для ног Ваджрапани служит, конечно же, лotosовый трон, непрменный атрибут существа очень высокого божественного ранга. Ваджрапани бестрепетно рассеивает страшных врагов человека – тупость и невежество, а еще к нему следует взывать о спасении от несчастных случаев и ранений.

Наконец, третьим в божественном триумвирате был бодхисаттва Авалокитешвара, или просто Авалокита, наш будущий постоянный герой. Его тибетское имя – Ченрези, что означает Сострадающий Дух Гор. Основные свойства Авалокиты – безграничная милость и бесконечное сострадание. Кроме того, считается, что он наделен особой силой спасать от ужасов ада и избавлять от всего того, что вызывает страх, даровать защиту слабому и страдающему существу. Постоянный эпитет этого божества, ставший одним из его многочисленных имен, – Махакарунника, Великий Милосердный. Обычно этого бодхисаттву изображают сидящим на лotosовом троне в *падмасане*, или позе лотоса, для которой характерны выпрямленный позвоночник и скрещенные ноги; при этом у божества только одно лицо. Но чаще всего мы можем встретить одиннадцатиликого Авалокитешвару, в этой форме он имеет титул Милосердный Владыка. В таком случае он обычно стоит на цветке лотоса, и его тело венчают одиннадцать возвышающихся одна над другой голов.



Илл. 1. Манджушири, бодхисаттва мудрости

Рассказывают, что в своем последнем воплощении Авалокитешвара уже обрел природу будды и был готов уйти в нирвану, но в последний момент, стоя уже на самом пороге блаженства, став Всевидящим, он оглянулся со своей божественной высоты и увидел вокруг себя страдания бесчисленных живых существ. Потрясенный до самой глубины души, Авалокита остановился и заплакал. Из упавшей слезы вырос лотос, и из него родилась богиня Тара, ставшая

его вечной спутницей. Тара, Спасительница, по-женски воплотила в себе деятельную энергию сострадания Авалокитешвары, и люди начали прибегать к ее помощи во всех своих нуждах, она стала самой почитаемой богиней Тибета, Монголии и Бурятии. Собственно говоря, обычно считают, что обрести Высшее Просветление можно лишь в теле мужчины, и женщине, накопившей должные заслуги, необходимо испытать еще одно перерождение. Но бодхисаттва Тара объяснила всем, что нет такого различия, как мужчина и женщина, а потому она, вопреки всем предрассудкам, будет в теле женщины работать на благо всех живых существ до тех пор, пока мир сансары не опустеет, и лишь тогда станет буддой и из тела женщины непосредственно уйдет в нирвану.

Однако скорбь самого Авалокитешвары была столь велика, что его голова разлетелась на десять частей. Духовный отец Авалокиты, дхьяни-будда Амиабха, своей магической силой превратил каждый из осколков в новую голову Авалокитешвары и к этим десяти прибавил еще изображение своей собственной головы. Так Авалокитешвара стал одиннадцатоголовым. Он тут же дал обет уйти в нирвану самым последним, лишь после того, как все другие существа спасутся и из темного мира сансары попадут в светлый мир нирваны.

Прародители тибетцев

И вот эти три бога, Три Святых покровителя, неразлучные друг с другом и всегда действующие совместно, приняли решение, согласно которому Авалокитешвара и Тара должны добровольно воплотиться в страшном заснеженном Тибете и стать прародителями тибетцев.

Бодхисаттвы вольны выбирать для себя любой облик, наиболее соответствующий обстоятельствам места и времени. В пустынной и холодной стране демонов Тара воплотилась в тело скальной дьяволицы по имени Брангринмо, что значит Женское Чудовище Ущелья, а Авалокитешвара превратился в прекрасного царя обезьян, и звали его Брангринпо, то есть Мужское Чудовище Ущелья.

Как и следовало ожидать, горная ведьма страстно влюбилась в красивого и мужественного обезьяньего предводителя и долго соблазняла великолепного самца, но тот был непреклонен, так как принял обет безбрачия. Тогда Брангринмо пригрозила, что если царь будет упорствовать в своем отказе откликнуться на призыв любовной страсти, то она совокупится со злобным демоном и вместе они будут убивать каждый день, не пропуская ни дня, по десять тысяч человек из окружающих Тибет земель. Но это будет еще не все: вместе с демоном они произведут потомство гораздо более жестокое, чем родители, которое полностью захватит Тибет и истребит всех людей в радиусе десяти тысяч километров от Тибета. Конечно же, сострадательный Авалокита в облике царя обезьян содрогнулся от такой перспективы и, чтобы не допустить подобного, стал мужем дьяволицы, воплощенной Тары. Таким образом предначертанное свершилось.

То место, где совокупились царь обезьян и горная ведьма, находится в районе современного Цзетана, в долине Ярлунг, лежащей к юго-востоку от нынешней Лхасы. Именно здесь, в одной из плодороднейших долин Южного Тибета, должно было появиться со временем первое тибетское государство.

Но до этого было еще далеко, пока Брангринмо и Брангринпо успели только произвести на свет потомство – трех сыновей и трех дочерей, и все они были обезьянами, от которых и произошли жители Тибета. Постепенно у обезьян стали отпадать хвосты и выпадать теплая шерсть. Они замерзали, и нужда научила их изготавливать себе одежду – вначале из листьев деревьев, а потом и из других подручных материалов. Однако обезьян постигла еще одна беда: они сильно расплодились и съели все пригодные в пищу растения в округе. Начался голод, но милостивый Авалокита, ставший вместе с Тарой постоянным покровителем созданного племени, дал им семена ячменя, пшеницы, кукурузы и бобов. Обезьяны начали возделывать эти культуры и постепенно окончательно превратились в людей.

И люди эти сразу же разделились на две категории. Одни унаследовали самое мерзкое из природы животных-обезьян и из нрава горной ведьмы. Они стали краснолицыми от постоянного пьянства, завистливыми, попали в рабство ко многим самым низким страстям, возлюбили торговлю и барыши, развили в себе разрушительный дух соперничества. Эти люди обладают сильным телом и смелым сердцем, однако очень плохо соображают, совершенно неспособны к серьезному знанию, они постоянно смеются и хихикают, всегда радуются недостаткам других людей и своими повадками сильно напоминают зверей. Другие же восприняли от родителей их божественную природу бодхисаттвы и обликом стали похожи на небожителей, обрели большую и благородную душу, сделались милосердными и добродетельными. К тому же они никогда не ругаются, прекрасно владеют речью и несказанно умны. Две эти разновидности людей бок о бок живут в Тибете по сей день.

У меня сложилось впечатление, что сами тибетцы полушутя, полусерьезно верят в такую версию своего происхождения, которым гордятся: ведь они произошли от прекрасных бодхисаттв. Когда едешь по бесконечному горному серпантину сказочно прекрасных Гималаев к

границе с Тибетом, на всем пути каменные парапеты дороги просто усыпаны сидящими обезьянками с симпатичными любопытными мордашками. Они беззастенчиво заглядывают в окна машины и чрезвычайно осмысленно смотрят тебе в глаза, причем, в отличие от других животных, не избегают взгляда в упор. Если попросить водителя остановить машину, он с радостной готовностью выполнит твою просьбу, и ты сможешь попытаться подойти к забавным зверькам. Однако попытка обречена на провал, потому что обезьяны позволяют человеку приблизиться к себе лишь на безопасное с их точки зрения расстояние, после чего бесследно исчезают, словно растворяясь в горах. Кладешь на парапет лакомство – и сразу же возникает огромный вожак-самец. Неусыпно следя за тем, чтобы путешественник не перешел запретную черту, спокойно и важно, с сознанием «я в своем праве», он не торопясь поедает все, даже не думая делиться со своими подданными, маленькие мордашки которых осторожно выглядывают отовсюду. И каждый шофер, везший меня по этой дороге, с лукавой улыбкой, но в то же время вполне серьезно обязательно сообщал, что они, тибетцы, являются потомками этих самых обезьян. В знак своего происхождения от краснолицых обезьян тибетцы до сих пор соблюдают обычай в торжественных случаях, а иногда и в повседневной жизни, окрашивать лица в красный цвет.

Первый правитель Тибета Ньятри Цэнпо

Еще тибетцы именуют себя народом Бод, ибо так называется центральная часть Тибета, которая начинается на восток от реки Тисе и озера Манасаровар и тянется вдоль берегов реки Цангпо (Брахмапутры). Народ этот, по всей видимости, возник после того, как немногочисленные тибетские племена, о которых нам очень мало известно, были подчинены и ассимилированы представителями одной из ветвей древних цянских племен, живших в верхнем и среднем течении реки Хуанхэ и вторгшихся с севера на тибетское плато. Так сложился тибетский этнос, и уже в V веке н.э. китайская летопись упоминает о некоем Фаньни, который создал в Тибете царство, царствовал милосердно и потому привел всех под свою власть.

Впрочем, наши исторические сведения по вопросу происхождения тибетцев и их государства крайне недостоверны и ненадежны. Но зато в нашем распоряжении имеется множество очень красивых легенд, несущих в себе много полезной информации. Фаньни, о котором упоминают китайские источники, – это, скорее всего, тибетский *цэнпо* (государь) Ньятри.

Согласно тибетской версии, будущий царь Ньятри Цэнпо был долгожданным сыном индийского царя Уддаяны из Ватсы. Но когда царь впервые увидел новорожденного царевича, он не смог удержаться от крика. И было отчего: рот младенца был полон зубов, на лице красовались синие брови, а пальцы на руках и ногах были соединены перепонками, как у гуся. Вдобавок придворный астролог, посмотрев гороскоп царевича, тут же предсказал, что ему суждено править еще до смерти царя. Словом, было над чем призадуматься.



Илл. 2. Бодхисаттва Ваджрапани (танка)

Долго думали собравшиеся великие брахманы и наконец произнесли пророчество: если отправить ребенка в северную Снежную Страну, то есть в Тибет, он сможет принести пользу многим живым существам. Так и сделали. Четыре быстрейших скорохода поставили на свои шеи четыре опоры золотого трона, посадили на него мальчика и двинулись в путь. Достигнув Тибета, они опустили трон в горное ущелье и ушли, оставив царевича одного. Дул сильный ветер, солнце клонилось к закату, но малыш спокойно сидел и ждал. Проходившие мимо охот-

ники увидели странного ребенка на золотом троне и тут же созвали главнейших жрецов *бон* – царствовавшей тогда в Тибете религии, – а также глав различных племен. Жрецы спросили ребенка: «Кто ты?». Он ответил: «Я – цэнпо (могучий)». На вопрос о том, откуда он пришел, мальчик указал пальцем на небо. А Небо было главным богом у последователей бон. И жрецы объявили ребенка богом, осознав его небесное происхождение. Вожди же племен, уставшие от разрозненности, решили, что, поскольку у них нет царя, Небо сжалилось над ними и послало им правителя – ведь ребенок сидел на золотом троне, обладал совершенно необычной внешностью и к тому же демонстрировал поистине неземное спокойствие. Правда, вновь прибывший царь и его будущие подданные, собравшиеся у трона, не могли понять язык друг друга, но это абсолютно никого не смутило.

Четверо самых сильных мужчин подняли трон, водрузили его ножки на свои шеи и отнесли наконец-то обретенного правителя в город. Здесь он и получил свое имя Ньятри Цэнпо, что значит и Могучий На Троне Шей, то есть царь, взошедший на престол на шеях. Тут же родилась новая легенда, согласно которой найденный таинственный ребенок был сыном самого Неба, то есть небесным божеством (*лха*), и на глазах у всех спустился к людям со священной горы, соединяющей земное и небесное царства. Как бы то ни было, мудрые индийские брахманы и астрологи, а также тибетские жрецы не ошиблись в своих предсказаниях: Ньятри Цэнпо стал мудрым и справедливым государем, сделавшим счастливыми своих подданных.

Вся дальнейшая дошедшая до нас письменная история Тибета является, по сути, историей прихода учения буддизма в эту страну гор и снегов; она очень тесно сплетена с легендами, неотличимыми в сознании истинного буддиста от реальности. Внимательному же читателю легенды расскажут больше, чем самая выверенная история.

Падение небесных книг

Ньятри Цэнпо основал целую династию тибетских правителей, которая так и называлась – династия Ньятри, и всего в ней было 32 государя. После Ньятри Цэнпо сменились 25 царей, жизнь которых была очень непродолжительной, и редко они умирали своей смертью. И вот 26-м государем стал Лхатхотхори Ньянцэн, живший, по очень приблизительным подсчетам, в IV – V веках н.э. Судя по тому, что его имя начинается с *Лха*, он был божеством, происходящим от Неба, как и Ньятри Цэнпо.

Когда Лхатхотхори достиг возраста 16 лет, он вышел однажды на крышу своего храма во дворце Ямбулхакан, выстроенном еще Ньятри Цэнпо, и прямо ему на голову с неба упала драгоценная шкатулка, не причинив царю никакого вреда. В шкатулке лежали священные тексты буддизма: *Авалокитешвара-каранда-вьюха-сутра* (*Детальное описание корзины достоинств Авалокитешвары*, родоначальника и покровителя тибетцев), а также *Сто наставлений в почитании Авалокитешвары*. Также в шкатулке лежала золотая *чайтья* (ступа) с драгоценными реликвиями Будды Шакьямуни.

Но увы, никто в Тибете тогда еще не умел ни читать, ни писать, и ничего не знали жители о значении священных останков Будды, поэтому понять смысл находящихся в шкатулке предметов было невозможно. Однако упавшая с неба драгоценность имела явно божественное происхождение, поэтому шкатулка была названа Таинственным Помощником и ей стали благоговейно поклоняться. Особенно же она почиталась царем Лхатхотхори, который благодаря своему благочестию прожил 120 лет, что вовсе не характерно для правителей Тибета.

Падение с неба драгоценных книг при царе Лхатхотхори рассматривается как начало распространения буддистского учения в Тибете. Во сне этот царь получил пророчество, что при пятом после него государе люди смогут узнать значение священных текстов, столь чудесным образом попавших в Тибет.

Впрочем, выдающийся ученый и переводчик Го-лоцзава Шоннупал в своем знаменитом огромном труде *Голубые анналы*, написанном в 1476-1478 гг. и посвященном истории появления и распространения учения буддизма в Тибете, скептически утверждает, что вышеизложенную версию придумали жрецы бон, которые почитали Небо и все деяния приписывали именно ему. На самом же деле эти книги были принесены в Тибет индийским *пандитом* (ученым) Буддхиракшитой и *лоцзавой* (переводчиком) Ли-тхе-се. Обнаружив же, что тибетский царь неграмотен, не умеет ни писать, ни читать и объяснять ему смысл принесенных книг совершенно бесполезно, миссионеры удалились.

Великий Сронцэнгампо

Однако пророческое сновидение Лхатхотхори полностью исполнилось, когда пятым после него цэнпо стал мудрейший из мудрых Сронцэнгампо, который обладал особой силой, чтобы стать Защитником Учения в Тибете. Этот царь являлся земным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, а потому был необычайно хорош собой. Его тело было отмечено всеми 32 знаками божественного происхождения, а на голове у него красовалось изображение дхьяни-будды Амитабхи, духовного отца Авалокитешвары, окруженное гирляндой из маков.

Сронцэнгампо был сыном тибетского царя Намрисронцэна, с именем которого обычно связывают основание тибетского государства: он осуществил целый ряд успешных завоеваний, начавшихся в 607 году. Дело отца продолжил и успешно завершил Сронцэнгампо, объединив Тибет и сделав его сильнейшей военной империей, которую боялись и уважали все соседние государства.



Илл. 3. Бодххиттва Авалокитешвара

Но Сронцэнгампо, достойный сын достойного отца, знаменит не только и не столько военными подвигами. Вступив на престол в 13 лет (а правление его длилось с 617 по 649 г.), Сронцэнгампо фактически заменил господствовавшую в Тибете религию бон религией буддизма, что является его величайшей заслугой.

Будучи ревностным буддистом, Сронцэнгампо достиг высоких степеней совершенства и обладал многими сверхъестественными способностями. Однажды, выйдя из тела и поднявшись высоко в небо, он взглянул вниз на землю и ужаснулся: Тибет был подобен телу упавшей на спину злобной демоницы, которую надлежало подавить. Для этого царь выстроил на теле этой демоницы «четыре монастыря четырех сторон света» и еще восемь буддистских монастырей, так что всего им было возведено 12 храмов. Кроме того, он перенес свою столицу из

долины реки Ярлунг на место нынешней Лхасы и здесь, на искусственном острове посреди озера Отханг, выстроил первый лхасский монастырь – Рей Тулпанг.



Илл. 4. Одиннадцатиликий Авалокитешвара, Милосердный Владыка

История строительства этого храма чудесна. Вначале царь заложил фундамент из камня, обшитого деревом. Скрепляющее вещество было взято из земель *нагое*, богатого и мудрого племени змей, которые повелели горному козлу доставить этот древний цемент в Тибет. Когда строительство было завершено, рабочие сложили свой инструмент в северной нише монастыря, и здесь сама собой возникла прекрасная статуя одиннадцатиликого Авалокитешвары. Ей немедленно были возданы самые пышные почести, после чего она так и осталась там. С тех пор в каждом тибетском монастыре непременно сооружались стенные ниши для статуи главного храмового божества и делался проход, позволяющий совершать обход вокруг статуи по часовой стрелке. Правда, по другой версии статуя Авалокиты с одиннадцатью головами, также самовозникшая, из наилучшего сандалового дерева, была принесена в Тибет из Южной Индии.

После завершения строительства буддистского храма Сронцэнгампо возвел в Лхасе свой прекрасный дворец на горе Марпо, что значит Красная, и дворец этот стал называться Марпори. И еще, для окончательного укрощения демоницы, царь провозгласил свод непреложных законов, соответствующих Учению буддизма. Эти законы категорически запрещали убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь и другие скверные действия. Они предписывали непременно следовать пути добродетели: верить в Три Драгоценности буддизма, то есть в Будду, Учение и Общину, воздавать родителям за их благодеяния, уважать высокородных и стариков, делать добро всем живым существам и во всем следовать святому учению Будды.

Созданное и упроченное великое государство более не могло существовать без письменности. И в 632 году царь посылает в Кашмир своего советника, сына Ану из племени Тхонми, который впоследствии прославился под именем Тхонми Самбхота. Цель поездки одна – изучение искусства письма. Посланец несколько лет тщательно изучал индийский язык, которым тогда был санскрит, у *Ачарьи* (Учителя) Дэваитшимбхи, а затем вернулся в Тибет. На родине Тхонми Самбхота создал на основе древнего индийского письма *брахми* тибетский алфавит, а также тибетскую грамматику, написав ее, как это было принято в Индии, в стихах. После этого он, не медля, перевел сутры из шкатулки, упавшей с неба на царя Лхатхотхори, пророческий сон которого таким образом сбылся. Тхонми Самбхота стал знаменитым переводчиком и перевел на тибетский язык еще много индийских буддистских текстов. Согласно преданию, Сронцэнгампо также принимал участие в создании тибетской письменности, для чего на три года уединился вместе с Тхонми Самбхотой в царском дворце Марпори, поскольку создание тибетского письменного языка мудрый правитель считал важнейшим государственным делом.

Кроме того, этот божественный цэнпо, воплощение Авалокиты – всевидящего милостивого владыки, проповедал в Тибете множество буддистских учений и многих посвятил в практику концентрации, так что большое количество тибетцев благодаря Сронцэнгампо стали обладателями необыкновенных способностей, превосходящих наше разумение.

После всех этих великих деяний царю настало время жениться. Созданная Сронцэнгампо военная мощь Тибета была столь велика и устрашающа, что он с полным правом стал добиваться руки китайской принцессы императорской династии. Принцессу звали Вэнь-Чэн, и была она несравненной красавицей. Царь отправил сватом своего первого министра Гаву во главе каравана, состоявшего из лучших слонов и лучших лошадей, тяжело нагруженных золотом, серебром, драгоценными камнями и многими другими диковинными дарами. Гава прибыл во дворец танского императора, но, увы, оказался здесь отнюдь не одинок, ибо многие искали руки прекрасной принцессы. Тогда владыка Китая устроил Гаве, как и полагается, три испытания, которых до тех пор не мог пройти ни один претендент.

Во-первых, следовало узнать, какой кобылой рожден каждый из жеребят, предварительно отделенных от кобылиц. Гава вышел из испытания с честью: он стал выводить кобылиц по одной к жеребьям, и каждый малыш бегом бросался к своей матери. Далее Гаве предложили за день съесть целого барана и выпить большой кувшин вина. Многие до него просто умерли в ходе этого испытания. Но Гава взял в руки тушу барана, а кувшин пристроил за плечом и стал

медленно расхаживать по двору, постепенно отправляя в рот кусочки мяса и запивая их глотком вина. К вечеру с угощением было покончено, и Гава ушел в свои апартаменты. К великому удивлению наблюдателей, тибетский посланец заказал еще целый чайник вина и выпил его с нескрываемым удовольствием. Он оказался самым умным, тогда как другие послы пытались съесть и выпить все сразу, но просто падали на землю, с криками хватаясь за раздутые животы. Третьим заданием было найти принцессу среди пятисот одинаково одетых девушек. Учтите, что Гава ни разу не видел будущую невесту царя. Конечно же, он призадумался и пригорюнился, но случайно разговорился во дворце со старой женщиной, которая поведала Гаве, что вокруг головы принцессы постоянно вьются две пчелки, серебряная и золотая. Мудрый Гава очень легко нашел принцессу.

Однако именно мудрость и доставила Гаве много неприятностей, так как император потребовал, чтобы Гава не покидал его, – только при таком условии он соглашался отдать свою дочь. Гаве пришлось остаться в Китае, а прекрасная Вэнь-Чэн отправилась в Тибет. Она захватила с собой семена пяти видов злаков и овощей: ячменя, гороха, рапса, гречихи и пшеницы, – белых и черных овец, а также много искусных ремесленников и много прекрасных девушек из своей свиты. Но главным, что она взяла с собой, была ее ревностная приверженность буддизму, а также дивная статуя Будды Шакьямуни, которую по прибытии поместили в тибетском храме Рей Тулпанг. А мудрый Гава нашел способ сбежать из Китая обратно в Тибет.

Затем Сронцэнгампо добился брака с принцессой Бхрикути, дочерью непальского правителя Асуравармы. Бхрикути также была ревностной буддисткой и привезла с собой изваяние дхьяни-будды Акшобхьи, а также статуи богини Тары и грядущего будды Майтрейи, выточенные из сандалового дерева. Поговаривают, что царь женился на обеих принцессах исключительно с целью завладеть знаменитыми изображениями. Статуи, привезенные двумя женами Сронцэнгампо в Тибет, бережно хранились в Лхасе в храме Джо-кханг вплоть до 1959 года, до вторжения китайцев, учинивших в Тибете страшные разрушения.

Сронцэнгампо впоследствии женился неоднократно, в основном из политических соображений, но главными его женами всегда оставались Вэнь-Чэн и Бхрикути.

Поскольку с хронологией на Востоке всегда очень сложно, буддистская традиция, несмотря на фиксированные европейцами 617-649 годы правления Сронцэнгампо, утверждает, что этот царь правил 69 лет и умер в возрасте 82 лет. Собственно говоря, когда наступило время смерти царя, он сам и две его главные жены, Вэнь-Чэн и Бхрикути, растворились в солнечном луче, вместе с ним вошли в статую одиннадцатиликого Авалокиты в монастыре Рей Тулпанг и без остатка растаяли в божестве.

В такой кончине нет ничего удивительного, потому что сам Сронцэнгампо был воплощением Авалокитешвары, который лишь на минуту, по божественным временным меркам, сошел со своего лotosового трона, чтобы оказать помощь живым существам и даровать им буддистскую веру. Ибо для чего же иначе было Авалоките зачинать тибетцев? А две жены царя, конечно же, были воплощениями всемилостивейшей богини Тары. Поскольку божество может по своей воле принимать столько обликов, сколько ему нужно, царица Вэнь-Чэн была воплощением Белой Тары, а царица Бхрикути – воплощением Зеленой Тары.

Необычность кончины закрепила за Сронцэнгампо титул *Дхармараджи* – Владыки Учения. А две его главные жены вошли в историю буддизма своим религиозным рвением и добрыми делами, направленными на укрепление Учения. Кроме того, именно они стали традиционными прообразами для создания изображений Белой и Зеленой Тары.

Богиня Тара

Белая Тара изображается на *танках* в белом цвете, в облике очень юной и очень чистой девушки, какой была принцесса Вэнь-Чэн; ей всегда шестнадцать лет. Она воплощает мудрость и сострадание, дарует адепту долгую жизнь. Она всевидяща, о чем говорят ее семь глаз: два обычных, два на ладонях рук, два на ступнях ног и один во лбу. Белая Тара всегда рисуется или ваяется сидящей на лotosовом троне со скрещенными ногами, что говорит о ее некоторой отдаленности от мира, отрешенности от земных интересов: ее задача – спасти от круговорота существования, а не участвовать в нем.



Илл. 5. Белая Тара. Статуя работы Дзанабадзара

Зеленая Тара изображается с зеленым телом и лицом, она – молодая женщина в полном расцвете красоты. Эта прекрасная богиня дарует освобождение от всех печалей, от боли и бед-

ности. Она способна уничтожить даже величайшее зло, с которым встречается смертный человек, она дарит людям радость. Ее называют также Арья Тара, где *Арья* значит Освобожденная, перешедшая границы мирского существования. Другое ее имя – Долма, то есть Освобожденная и одновременно Освобождающая, выводящая человека из темного леса сансары. Зеленая Тара – любимая богиня тибетцев. Танка с ее изображением имеется в каждом тибетском доме, где ее благоговейно почитают и поклоняются ей. Считается, кстати, что исключительно благодаря ее милости в Тибете возникли религиозное искусство и литература.

Зеленую Тару изображают сидящей на лотосовом троне с опущенной вниз правой ногой, что говорит о ее готовности немедленно, по первому зову прийти на помощь страдающему живому существу. Правая рука Долмы пребывает в *шудре* (жесте) высшей щедрости, «дарующей дары», левая рука – в мудре защиты, жесте «дарования прибежища». Зеленая Тара очень близка к людям и готова помочь им в любой нужде, встречающейся в повседневной жизни, ее основное призвание – спасти все живые существа, снисходя к их сансарическому существованию. Малейшего возгласа страдания, обращенного к Таре, достаточно для того, чтобы немедленно обеспечить себе защиту от ужасов этого мира. А еще лучшая защита – правильное ритмичное повторение ее мантры-заклинания *Ом-таре-тут-та-ре-ту-ре-сваха*, которая в сочетании с зеленым цветом богини дает очень чистые и светлые вибрации. Спешащая на помощь Зеленая Тара быстра и бесстрашна, она наделена особой сверхъестественной силой немедленно помогать людям. Она рассеивает любой хаос и удовлетворяет любые нужды, исполняя всякое доброе желание, воплощая собой молодость, красоту и великое сочувствие.

Белая и Зеленая – это мирные формы богини Тары, о чем говорят их цвета. Тибетцы же верят, что Тара всегда испускает те мистические формы, которые требуются в данный момент для блага живых существ. Иконография Тары знает 21 ее форму, 21 ипостась одной и той же Тары, причем ипостаси эти не только и не столько мирные, сколько гневные. Считается, что в случаях, когда человеку нельзя помочь милостью, даже беспредельной, следует для его же блага прибегнуть к гневу, который является более действенным помощником, и потому яростные формы божеств рассматриваются как более сильные, нежели мирные. Но Тара, как и ее вечный спутник Авалокитешвара, обладает еще и триумфальной тысячерукой и тысячеглазой формой, которую невозможно вообразить неподготовленному.



Илл. 6. Зеленая Тара. Статуя работы Дзанабадзара

Пламенный адепт Тары кашмирский поэт Сарваджнямитра, воспевая богиню, говорит, что она принимает на себя пять священных цветов: белый, зеленый, желтый, красный и синий. Ее можно видеть алой, как солнце, синей, как сапфир, белой, как морская пена, ослепительной, как блистающее золото. Ее вселенская форма подобна кристаллу, меняющему свой вид, когда окружающее переживает перемену, – то есть вселенская, триумфальная форма не фиксирована, трансформируется в зависимости от обстоятельств и поэтому не имеет своей иконографии, ибо она невообразима и недоступна для земных очей.

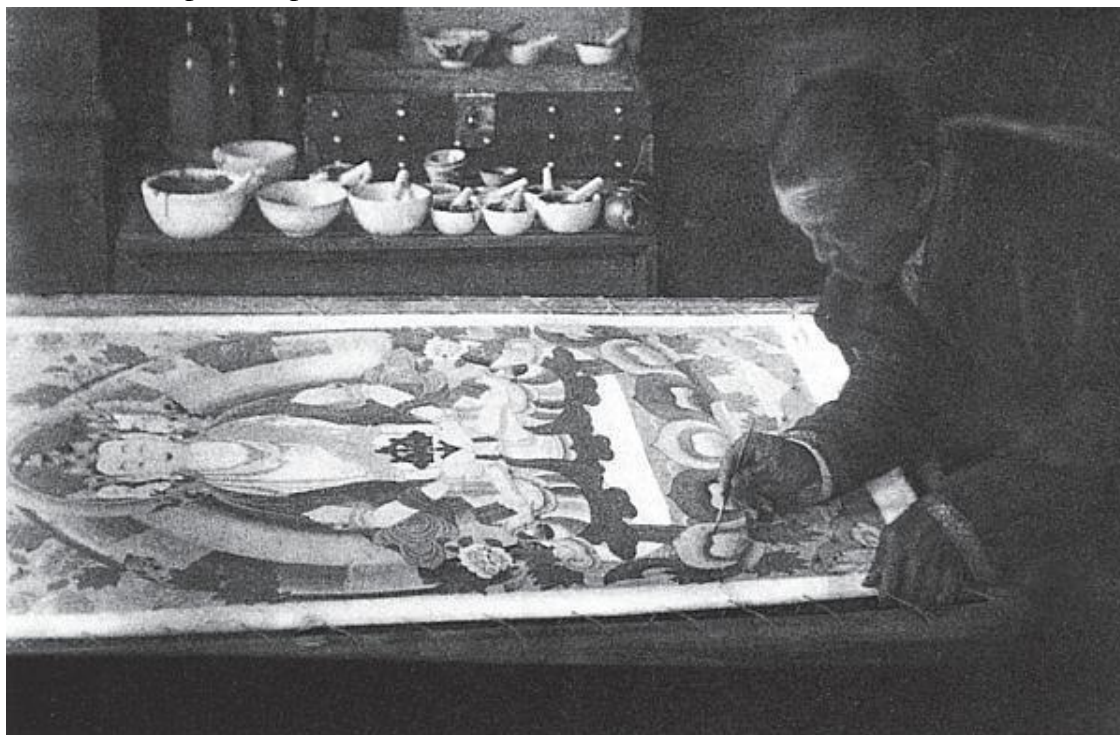
Таре воздают поклонение не только индивидуально, но и публично, при большом стечении людей во время религиозных празднеств. Так, когда в Тибете происходит Монлам Ченмо – грандиозный молитвенный праздник, который длится в Лхасе две недели и собирает более 20 000 священнослужителей, – обязательно каждый день исполняется цикл *садхан* (медитаций) на богиню Тару и рецитируются канонические гимны, восхваляющие ее. При этом многократно повторяется мантра Тары. Считается, что правильно интонированная мантра, произнесенная 100 000 раз, силой вызываемых ею вибраций оказывает мощную помощь ищущему, если, конечно, он не занят механическим повторением звуков, а всей душой сосредоточен на любви к призываемому божеству, в данном случае к Таре, канонический образ которой, запечатленный в иконах и скульптурах, адепт постоянно держит в своем воображении. Именно для этого и предназначены и статуи, и *танки*.

Что такое танка

Танка, или «знамя» – это иконописное изображение божества в тибетском буддизме, которое во время религиозных процессий прикрепляют к шесту и несут как знамя, как военный стяг. Танки, как и русские иконы, пишутся по строго определенным каноническим правилам и в совершенно особых состояниях сознания, в которые вводит себя мастер. Художником является непременно духовное лицо, лама достаточно высокого ранга, хорошо знающий священные тексты. Достаточно часто он ведет жизнь странника, постоянно переходя с места на место.

В создании танки участвуют несколько человек. Канву обычно делает ученик, который также является духовным лицом. В точном соответствии с каноном на предварительно покрытый слоем клея и мела, а затем отполированный раковинной шелк, холст или бумагу черной и красной тушью наносятся контуры изображения по строго заданным пропорциям, чаще же просто накладывается трафарет, так как соблюсти все предписанные требования чрезвычайно трудно.

Только после этого к работе приступает лама-мастер, который расцвечивает нанесенный рисунок красками. Вначале он пишет окружение божества, затем расписывает фигуру главного персонажа. Самые важные детали, такие, как лики будд и бодхисаттв, а также надписи на танке, можно прорисовывать лишь по благоприятным дням, которые специально определяет лама-астролог. Существуют также фиксированные благоприятные дни, которыми в Тибете считаются 15-й и 30-й дни каждого месяца. В тибетском лунном календаре каждый месяц имеет 30 дней; 15-й день соответствует полнолунию, в этот день максимально выражена женская энергия, а 30-й день – новолунию, в нем максимально выражена мужская энергия. Лик прорисовывается в 15-й день месяца, а краски на него накладываются в 30-й. В течение всего времени работы ламы-художника другой лама, непременно присутствующий при живописании, читает специальные мантры изображаемого божества.



Илл. 7. Бурятский лама, расписывающий танку с изображением Вайрочаны

Мантры – это набор определенных слогов, в которых смысл имеет не столько значение, сколько определенные звуковые вибрации, возникающие при их произнесении. Поэтому очень важно правильное интонирование мантр. Каждый слог мантры окрашивается в специальный цвет, так как существуют строго определенные соотношения цвета и звука. Правильно произнесенная мантра своими вибрациями попадает в резонанс с определенными высшими слоями реальности, которая отражает их и спускает обратно вниз уже заряженными ее божественными энергиями. По сути, мантра оказывается средством общения с божеством.

В Тибете считается, что делать скульптуру или танку значит вызывать реальное присутствие изображаемого персонажа, а потому скульптуры и танки рассматриваются как искусственные перерождения божества. Потому и художник рассматривается как творец божества. Вибрации мантр воздействуют на творца, очищая его сознание, предварительно подготовленное *садханой* – специальной серией медитаций в строгом уединении, а также постом и непродолжительным сном. Очевидно, что творение танки – это сакральный процесс. А каждый цвет, присутствующий в этой своеобразной иконе, имеет свое четкое соответствие в звуке, так что знающий лама может услышать танку как симфонию звуков, связанную и со звуками-цветами мантр изображенных божеств.

Законченная танка-знамя обводится парчовой каймой и после этого обязательно освящается высоким ламой, живым буддой, который оставляет отпечаток своей руки или ноги на ее заднике. Теперь танка готова для выполнения своего предназначения – служить опорой при медитации над определенной формой божества. Такой освященный предмет запрещается брать на хранение непосвященному и тем более увозить за пределы ламаистского мира.

Гений Дзанабалзар

А теперь я предлагаю уважаемому читателю перенестись ненадолго в Монголию. Здесь, бродя в свободное время по Улан-Батору, я впервые зашла в храм-музей Чойджин-ламын-сумэ, где испытала глубокое потрясение. В этом храме высшие адепты тибетской версии буддизма, бытующей в Монголии, собирались для исполнения своих тайных ритуалов; теперь он превращен в музей, бережно хранящий таинственную атмосферу храма, его прежние интерьеры и изображения. Обходя музей по часовой стрелке, как это принято в буддизме (и не только в нем), посетитель медленно переходит из одного святилища в другое, они все более и более высоки и загадочны, и в каждом из храмовой полутьмы смотрят на тебя прекрасные танки и великолепные бронзовые скульптуры.

Изумительное исполнение и живая тайна изображений завораживали меня, но в каждом святилище надолго притягивали к себе определенные бронзовые изваяния, выполненные, судя по всему, одним и тем же человеком. В конце концов я не выдержала и спросила у смотрительницы: «Кто автор этих работ?». – «Дзанабадзар», – ответила она очень сухо. «Кто это?» – искренне изумилась я, так как слышала это имя впервые, несмотря на все мои прежние восточковедные штудии. «Наш великий скульптор», – ответила смотрительница и, уже не скрывая обиды, отвернулась. Скульптуры своим совершенством и внутренней напряженной жизнью поистине превосходили все, что я когда-либо и где-либо видела. Мне стало очень стыдно за себя, за высокомерное невежество европейцев, которых совершенно миновало великое искусство Востока (и, к сожалению, не только искусство).



Илл. 8. Дзанабадзар, великий скульптор и первый глава буддистской церкви Монголии

Позже я многое узнала об этом великом человеке, который воплотил в себе идеальный тип служителя буддистского искусства, поэтому я и расскажу здесь о нем. В древней знатной семье халхасского Тушегу-хана Гомбодорджа 25-го числа девятого месяца в год Деревянной Свиньи, что соответствует нашему 1635 году, в местности Есон зуйл (в настоящее время это Зуйл сомон Убурхангайского аймака) родился мальчик. Его матерью была «совершеннейшая из княгинь» Ханджамц. Ребенок с детства был предназначен родителями к религиозной деятельности, а потому уже в четыре года его посвятили в духовное звание *гэгэна*, что в монгольском языке значит «светлый», и присвоили ему имя Дзанабадзар. Тогда же было уста-

новлено, что он является *хубилганом*, то есть перерождением известного деятеля буддизма, и уже имел 18 предыдущих перерождений. Первым его земным воплощением был пандит (ученый) Лодойгэндэннамдаг, который жил в Индии во времена исторического Будды Шакьямуни и являлся одним из 500 ученых и священнослужителей знаменитого буддистского монастыря-университета в Наланде. Одиннадцатым его перерождением был Дашбалдан, ученик великого тибетского реформатора буддизма Цзонхавы, основавший в Тибете известнейший монастырь Галданбрайбун и прославившийся под именем Жамьянцорж. Пятнадцатым воплощением Дзанабадзара был выдающийся проповедник буддизма в Тибете, прекрасный знаток санскрита Жавзан Таранатха Гунганьинбо, который на 35-м году своей жизни в год Желтой Обезьяны, что соответствует 1609 году нашего календаря, написал подробную историю возникновения буддизма в Индии – шастру *Жагар Чойцун*.

Мальчик, имевший столь выдающийся ряд земных жизней, с ранних лет прекрасно знал санскрит и тибетский язык. В возрасте 13 лет он основал Иххурэ, главный монастырь, при котором возникли семь *аймаков* – монашеских общин. Весь этот комплекс образовал тот центр, вокруг которого впоследствии вырос город Урга – столица Монголии, после революции переименованная в Улан-Батор (Красный Богатырь).

В 15 лет, в 1650 году, Дзанабадзар отправился в столицу Тибета Лхасу, где принял духовное посвящение от Панчен-ламы Лувсанчойжанцана и был провозглашен Далай-ламой перерождением святого Джебдзундамба-хутухты. Таким образом он получил высший духовный титул *хутухты*, «живого бога». Дзанабадзар был первым из духовных лиц Монголии, получившим титул лично от Далай-ламы, и с тех пор титул Джебдзундамба-хутухты стал постоянным для главы буддистской церкви Монголии. Первым главой этой церкви и стал Дзанабадзар по особому благословению Далай-ламы, который даровал ему в качестве свидетельства, как это и положено по обычаю, желтый шелковый балдахин и личную золотую печать вместе с правом отныне самому присваивать духовные титулы. Преемственность этой линии перерождений Джебдзундамба-хутухты закончилась в Монголии в 1924 году со смертью последнего главы церкви, который был восьмым по счету носителем титула Джебдзундамба-хутухта.

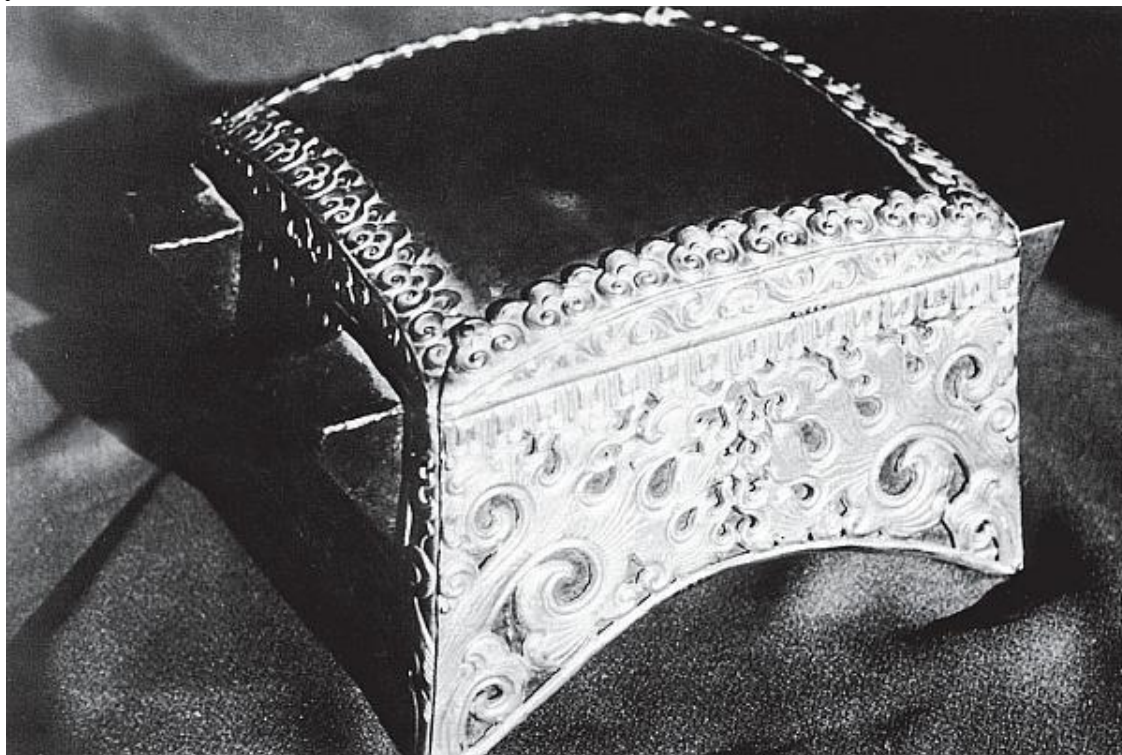
По возвращении из Тибета Дзанабадзар стал известен под этим именем как скульптор, а под именем Ундур-гэгэн (Великий Просветленный, Высокий Наставник) или Богдо-гэгэн – как глава церкви. Его дальнейшая деятельность протекала в основном в этих двух направлениях. Но не только в них. Так, он создал новый монгольский алфавит *сонбо*, построил множество храмов и монастырей. Будучи, как глава духовенства, еще и видным политическим деятелем, он много способствовал делу объединения Монголии.

Однако более всего он интересен нам в ипостаси художника, творчество которого рассматривалось как одна из форм служения божеству. Именно Дзанабадзар стал основателем монгольского религиозного искусства, принадлежавшего к позднетибетской школе. Лепить из глины и рисовать Дзанабадзар начал с детства, а из Тибета вместе с его свитой прибыли профессиональные художники, обучившие юношу канонам тибетского искусства, строгое следование которым необходимо при изображении каждого божества. Но Дзанабадзар был гением, а потому сумел, ни в чем не нарушая канона, создать произведения, отмеченные печатью его глубокой индивидуальности. Он жил в одно время с Рубенсом, Веласкесом, Рембрандтом и превосходил их своей духовной одаренностью – они же превзошли его своей всемирной славой.

Великий монгольский мастер создал за свою долгую жизнь большое количество иконописных и скульптурных изображений главных буддистских божеств, и эти изображения являются вполне совершенными в своей одухотворенности. Скульптуры, как и танки, всегда выполнялись в атмосфере глубокой мистической сосредоточенности, и глубина медитации творца нашла свое выражение во всех его творениях. Одной из особенных удач Дзанабадзара стал круг скульптурных изображений 21 формы богини Тары. Но с этой работой связана отдельная история.

Дзанабадзар был не только главой духовенства Монголии, но и живым человеком, и у него была горячо любимая женщина. Она была женственно-прекрасна, добра, умна и искренне религиозна и отвечала художнику нежной и страстной любовью. Но окружение Дзанабадзара не могло простить ему этой связи, порочащей в глазах людей светлый образ Высокого Наставника, Ундур-гэгэна. Для хубилгана, которым был Дзанабадзар, пристрастие к женщинам считалось непростительным грехом. Причем монголы более снисходительно относятся к тем случаям, когда хутухты просто меняет женщин, не испытывая особой привязанности ни к одной из них. Если же хубилган живет лишь с одной женщиной, то есть открыто заводит себе наложницу, он теряет в народе всякое уважение.

Дело в том, что добродетелью для высокого духовного лица в буддизме является отсутствие привязанности к чему-либо или кому-либо мирскому, одинаковое, равно сострадательное отношение ко всем живым существам. Отметим, что точно так же дело обстоит и в христианстве: монах не должен быть особенно привязан ни к одному предмету или живому существу, все его привязанности – в Боге. Знаменитый христианский авва Дорофей, обучая своего самого лучшего ученика, однажды заметил, что тот принес откуда-то красивый нож и очень любит им пользоваться, просто смотреть на него, то есть внутренне привязался к этому предмету. Тогда авва Дорофей категорически запретил ученику прикасаться именно к этому ножу, тогда как всем остальным позволялось делать с ним что угодно. Это запрещение действовало до тех пор, пока эмоционально окрашенная привязанность к красивому предмету не ушла из сердца послушника.



Илл. 9. Наковальня, на которой работал Дзанабадзар

Окружение Ундургэгэна долго пыталось воздействовать на него, но Дзанабадзар был непоколебим в своем чувстве, он был уже не волен в нем, что делало его непригодным для служения Церкви. Тогда придворные, ревностные буддисты, отравили прекрасную возлюбленную своего Наставника. Правда, люди говорят, что дело было не в религиозном рвении, а в элементарной зависти: придворная челядь завидовала большому влиянию этой женщины на Дзанабадзара, ее молодости, красоте и уму.

Дзанабадзар был убит горем, которое выплеснул в своем творчестве, создав 21 скульптурный образ Тары в ее гневных и мирных формах. Каждой форме он придал конкретные

черты сходства с утраченной возлюбленной, а в форме Зеленой Тары полностью воссоздал портрет любимой, сделав ее прекрасным воплощением женственности. Художник вложил всю душу в эту скульптуру. И случилось так, что статуэтка заговорила и назвала имена своих убийц, попросив в своем великом сострадании не наказывать их. Дзанабадзар выполнил ее просьбу и не стал ничего предпринимать против негодяев. Однако те были достаточно наказаны: каждый раз во время религиозных служб они должны были теперь совершать поклонение 21 форме Тары, в каждой из которых узнавали черты своей жертвы.

Так возлюбленная гения стала вечно живой богиней, из точки между бровями которой всегда исходят лучи света. Ибо Тара принадлежит к тем четырём божествам, которые испускают свет: это Будда, одиннадцатиликий Авалокита, бодхисаттва Майтрейя, будда грядущего века, и сама Тара. Как и других божеств высокого ранга, Тару изображают с диадемой из пяти зубцов, каждый из которых символизирует одного из пяти высших *дхьяни-будд*. В этой пятизубчатой короне синий дхьяни-будда Акшобхья искореняет гнев, белый Вайрочана – тупость и невежество, желтый Ратнасамбхава – гордыню и жадность, красный Амитабха – корысть и страсть, а зеленый Амогхасиддхи – зависть. Так что Зеленой Таре предназначено было уничтожить зависть в сердцах убийц.

Дзанабадзар же продолжил свое высокое духовное служение, а также деятельность религиозного художника, которая тоже была служением. Скончался он на 89-м году жизни в Желтом храме в Пекине, куда его забросила судьба в силу политических перипетий, 14-го числа первого весеннего месяца года Водяного Зайца, то есть в 1723 году. И вот уже на протяжении почти 300 лет монголы почитают его как божество, как живого *бурхана*, живого будду. А танки и скульптуры Дзанабадзара при медленном и вдумчивом, сосредоточенном созерцании несут душе мир и покой, что важнее всего для верующего монгола, приветствие которого звучит как «Менду сайн вайно?», что значит: «Есть ли мир в твоей душе?».

Личное знакомство с Ваджрасаттвой

Свои произведения Дзанабадзар, как и другие творцы, оформлял по всем правилам буддистского канона, запечатывая танки следом своей руки, а скульптуры – печатью двойной ваджры, крестом из двух скрещенных молний. Скульптура обычно делалась полой, и в полость внутри нее помещались различные вложения – написанные на бумаге мантры, освященные таблетки и другие предметы, – потом дно наглухо закрывалось и лама ставил печать двойной ваджры. После этого изображение считалось живым рукотворным богом, и ему следовало поклоняться, совершать подношения воды и риса, возжигать ароматы – в противном случае божество умрет.

«Живые» изображения божеств перед продажей иностранцу обычно освобождали от вложений и ваджрной печати ради безопасности безбожного покупателя. Гуманность такого подхода я прочувствовала на себе. Во время командировки в Индию мне было очень трудно получить визу на поездку в закрытый горный штат Сикким, пограничный с Тибетом. Наконец, почти чудом, виза была получена и мне был вручен билет на самолет до Багдогры. Оставалось только молиться о летной погоде.

До вылета оставалось еще два дня, и я в очередной раз отправилась на делийский тибетский базар, где и купила статуэтку дхьяни-будды Ваджрасаттвы. Придя в свой гостиничный номер, я с изумлением обнаружила, что на днище статуэтки стоит печать ламы, двойная ваджра, а это означает, что внутри сделаны вложения и выполнены соответствующие ритуалы, делающие изображение живым. Тут мне припомнилось, что молодой торговец сопровождал эту продажу особыми благопожеланиями и наставлениями. Далее, внимательно всмотревшись в статуэтку, я обнаружила, что у нее плохо проработаны руки, особенно пальцы. Хорошая проработка рук является неперенным признаком мастерской работы. Рука очень много говорит об изображаемом божестве: каждый жест, каждый изгиб пальца несет большую смысловую нагрузку. У скульптур Дзанабадзара руки совершенны.

Словом, принесенная вещь стала меня потихоньку раздражать, но одновременно странным образом постоянно притягивала мой взгляд. Вскоре гостиничный номер, в который я так любила возвращаться поздно вечером и который был до сих пор таким уютным, стал мне тягостен. Далее начались мелкие неприятности, одна за другой срывались назначенные встречи, чего до сих пор не бывало. Но кульминация оказалась просто поразительной.

В день вылета в пять утра, положив в сумку среди прочих вещей и несчастного Ваджрасаттву, я села в такси, и сквозь густой, как молоко, туман мы медленно прибыли в местный аэропорт. Вскоре туман, из-за которого обычно и отменялись все местные рейсы, совершенно рассеялся, установилась прекрасная летная погода. Я сидела в зале ожидания и удивлялась тишине и безлюдности у нужной мне стойки регистрации. Но тут ко мне подошел служащий аэропорта и поинтересовался, чего, собственно говоря, ждет мадам. «Рейса на Багдогру», – наивно ответила я. «Мадам, Вы – единственный пассажир на Багдогру. Рейс уже две недели как снят! Где Вы взяли билет?!». Билет мне купила принимавшая меня Индийская национальная академия наук ровно за два дня до описываемых событий.

Это было уже слишком. Вернувшись в гостиницу в мой же номер, который никто не успел занять, и выяснив отношения с моими кураторами, которых нелепость происшедшего просто поставила в тупик, я взглянула на Ваджрасаттву и ясно поняла, что нам пора расстаться. На том же тибетском базаре уже другой продавец, увидев печать двойной ваджры, с готовностью взял моего Ваджрасаттву, но не выставил статуэтку на продажу, а куда-то убрал. Взамен мне был вручен тот же Ваджрасаттва, только не сделанный вручную, как мой предыдущий, а отлитый серийно по хорошему классическому образцу, безо всяких печатей и вложений.

После этого небо надо мной прояснилось. Сорвавшиеся ранее встречи спокойно состоялись. Более того, я вновь получила билет на Багдогру и благополучно долетела до нее. Из всего этого я четко поняла, что впредь шутить с изображениями божеств не следует. Ведь мой оживленный будда умирал у меня на глазах, и это не могло принести мне ничего кроме вреда. Он не мстил мне, просто кармические законы так устроены. Зато второй Ваджрасаттва, без печати, до сих пор живет у меня в доме и радует глаз, ибо руки у него проработаны четко. Впрочем, мне почему-то до сих пор грустно без того, первого, живого и страдающего божества.

Цэнпо Трисонг Дэвцэн

Однако вернемся из дальних стран обратно в Тибет, где история продолжается. Здесь пятым цэнпо после Сронцэнгампо стал Трисонг Дэвцэн, жизнь которого пришлась на 755-797 годы. Этот царь вступил на престол в возрасте восьми лет со всеми вытекающими отсюда последствиями: править самостоятельно ребенок, конечно же, не мог, хотя и был признан земным воплощением бодхисаттвы мудрости Манджушри. Реально же управлением государства занимался министр Машан Домпа из рода Кэ, отличавшийся исключительно злобным характером и люто ненавидевший учение буддизма, будучи приверженцем древней тибетской религии бон. Для начала он выгнал из страны буддистских монахов, среди которых было много китайцев. Китайские миссионеры возвратились на родину, но самый старший из них забыл в спешке один свой башмак и, подумав, сказал по этому поводу: «Учение вновь вернется в Тибет». С тех пор тем, кто готов разрушить Святое Учение, обычно говорят: «Башмак забыт приверженцем буддизма».

Но Машан не ограничился изгнанием буддистов. Он решил отправить обратно статую Будды Шакьямуни, привезенную китайской принцессой Вэнь-Чэн. Однако и тысяча человек не смогли сдвинуть статую с места, и тогда ее просто засыпали песком. Чтобы как можно больше оскорбить буддистское учение, запрещающее убийство живых существ, Машан превратил построенные еще Сронцэнгампо храмы в скотобойни и в лавки мясников. Ко всему прочему он издал закон, запрещающий исповедовать буддизм.

Пять лет бессильно взирал на все эти бесчинства несовершеннолетний Трисонг Дэвцэн, который был глубоко верующим буддистом. Но вот он достиг возраста 13 лет и по праву взял бразды правления в свои руки. Прежде всего он отменил закон, запрещающий исповедовать буддизм, и сам получил от оставшихся еще в Тибете Учителей буддизма ряд мистических посвящений, позволивших ему освоить искусство умственной концентрации. Затем законный царь решил положить конец соперничеству между буддизмом и бон. Он повелел уничтожить все бонские рукописи, что и было ревностно исполнено его соратниками, сторонниками буддизма.

И наконец, Трисонг Дэвцэн нашел способ расправиться с Машаном. Тибетский астролог-предсказатель сообщил Машану, что царю грозит большое несчастье и защитит цэнпо может только он, Машан, если войдет в указанный ему могильник. Министру ничего не оставалось, кроме как выполнить данное предписание. Но когда злодей оказался внутри могильника, дверь за ним тут же захлопнулась. Так яростный гонитель буддизма был заживо погребен ревностным приверженцем буддизма, главная заповедь Учения которого – сострадание ко всем живым существам.

Китайские священнослужители, как и было предсказано их забывшим башмак старейшиной, вновь вернулись в Тибет и посоветовали царю пригласить к себе индийского пандита Шантиракшиту, известного еще и как Ачарья (Учитель) Бодхисаттвы. Шантиракшита был основателем индийской буддистской школы *йогачара-мадхьямика-сватантрика*, много лет преподавал буддистскую мудрость Сутраяны в университете Наланды; его жизнь продолжалась с 705 по 765 год.

Трисонг Дэвцэн послал приглашение, и Шантиракшита прибыл в Тибет. Когда царь и ученый встретились, Шантиракшита спросил Трисонг Дэвцэна: «Не забыл ли ты, как в Непале перед священной ступой мы с тобой пришли к решению распространить Святое Учение в Тибете, и было это еще в то время, когда Учение проповедовал Кашьяпа?». А Кашьяпа был буддой, непосредственно предшествовавшим Будде Шакьямуни, то есть еще доисторическим буддой, и жил много тысячелетий назад. Царь задумался и сказал: «Видишь ли, мои способности умственной концентрации настолько ограничены, что я не могу вспомнить этого». Тогда

Шантиракшита дал царю благословение, и тот вспомнил все свои прошлые перерождения, в том числе и то, которое пришлось на времена будды Кашьяпы.

Однако Трисонг Дэвцэн решил все-таки проэкзаменовать пандита относительно характера учения, которое он намеревался проповедовать в Тибете. Шантиракшита с честью выдержал испытание, ответив: «Мое учение заключается в том, чтобы следовать тому, что подтверждается после исследования разумом, и избегать того, что не согласуется с разумом». Тут же он изложил тибетскому царю множество известных ему учений. Как видим, Шантиракшита был истинным ученым, причем того типа, который мы называем кабинетным.

Тем не менее гость затеял возведение ставшего впоследствии знаменитым монастыря Самье. Но местные божества, владыки почв, взбунтовались против этой затеи и стали регулярно насылать землетрясения, которые за ночь успевали разрушить все, что Шантиракшите удавалось возвести за день. Ярость тибетских богов этим не ограничилась: молнией они дотла сожгли построенный Сронцэнгампо дворец Марпори, а королевский дворец Трисонг Дэвцэна Рхан-тан смыли ревущими потоками воды. Эти же боги наслали на страну невиданный голод и разнообразные эпидемии.

Только и ждавшие столь удобного момента сторонники покойного Машана оживились и объявили причиной всех несчастий буддистское учение и его проповедника, Шантиракшиту, потребовав его изгнания. Трисонг Дэвцэн был морально сломлен обрушившимися на него бедами. Он описал Шантиракшите сложившуюся безвыходную ситуацию и проводил его из Тибета, наградив большим количеством золота. Но Шантиракшита успел сказать цэнпо, что в Джамбудвипе, то есть в Индии, есть великий и знающий Падмасамбхава, владыка мощнейших сверхъестественных сил, которые одни только и способны усмирить разбушевавшихся злобных демонов.

Царь послал приглашение Падмасамбхаве, и тот, преодолев на пути множество препятствий, в 747 году прибыл в Тибет.

Но мы не поймем великих деяний Падмасамбхавы, пока не узнаем, с чем же он столкнулся в Тибете, что представляла собой исконно тибетская религия бон. Об этом и будет повествовать следующая глава.

Глава вторая, рассказывающая о старейшей религии бон

От древнего бон веет страшной тайной и магией злых чар. Могущественные *шен*, жрецы бон, плетут магическую сеть ужаса. Соседи отказываются воевать против тибетцев, рассказывая, что те обладают непреодолимо сильной магией, знают, как вызвать дождь и как призвать небесный огонь, умеют повергнуть в дрожь небеса и землю, проявляя свою неизмеримую мощь. Некоторые из них способны летать по небу и, становясь невидимыми, убивают людей своими остро заточенными мечами. Говорят, что есть там великое множество и других необычайных вещей. Гитлер, намереваясь покорить мир, призвал себе в советники именно бонских жрецов, в руках которых бон полыхает, словно огонь гнева.

Вечный бон никогда не возникал и никогда не может быть уничтожен, так как всякое истинное знание, светлое или темное, существует в высшей реальности за пределами пространства и времени и лишь частично нисходит в нужный момент в наш временной и пространственный мир. И потому неизменным символом бон является специфическая свастика, по-тибетски *юнгдрунг*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.